

В. С. Шишонко

Пермская летопись с 1263-1881 гг.

Второй период. С 1613-1645 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. С. Шишонко**
Пермская летопись с 1263-1881 гг.: Второй период. С 1613-1645 гг. / В. С. Шишонко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 502 с.

ISBN 978-5-518-07361-6

ISBN 978-5-518-07361-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

амій Палицынъ, князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ—Ростовскій, окольничій Ѳеодоръ Головинъ, съ стольниками, стряпчими, приказными и проч. чиновными людьми. Узнавъ о мѣстопребываніи инокини Марфы Ивановны съ сыномъ ея Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ, выинитые люди послали въ Ипатьевскій монастырь окольничаго Головина, который прибылъ въ монастырь уже на отходѣ вечерни, гдѣ инокиня была вмѣстѣ съ сыномъ . . . Въ это время инокиня стояла въ темномъ углу храма и, молясь, платкомъ утирала катившіяся по лицу ея слезы, а сынъ ея Михаилъ погруженъ былъ въ себя. . .

Вотъ припомнилъ онъ свое дѣтство въ родительскомъ домѣ: красавецъ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, его отецъ, въ богатомъ одѣяніи и саблей при бедрѣ, наряжается во дворецъ къ царю Ѳеодору Іоанновичу. Рѣзвый четырехлѣтній ребенокъ бѣжитъ проститься съ отцомъ, цѣпляется за его чревчатый, бархатный охабень, бояринъ поднимаетъ мальчика на руки, цѣлуетъ—милуется его, прости, сынокъ! Да не мѣшкай же, Марфа Ивановна, спаряжайся къ царицѣ . . . Говорить, уходя на крыльцо, бояринъ.

Прекрасная молодая боярыня снаряжается въ штофный сарафанъ, въ золотую фату, въ алую бархатную тѣлогрею . . . Мальчикъ начинаетъ плакать, просится съ мамой къ царицѣ. Сначала мать отказывается ему въ просьбѣ, затѣмъ уступаетъ капризу милаго ребенка: его одѣваютъ, умываютъ, чешутъ и, наконецъ, онъ выходитъ съ боярыней на крыльцо. Подаютъ пестро-раскрашенную каптану (карету), запряженную въ восемь лошадей, по двѣ цугомъ. Какіе красивые, сытые кони сѣрой масти! Какіе нарядные холопы . . . Входятъ въ царицынъ теремъ: кругомъ золото да серебро, ковры персидскіе, сукна красныя, стѣны расписаны золотыми птицами; иконы въ богатыхъ окладахъ; цѣлый рядъ цокоевъ и множество разряженныхъ боярынь, дворянскихъ боярышенъ, мамокъ, дѣвокъ, дуръ, карлицъ . . . Иныя шитьемъ занимаются, другія пѣсни поютъ, а шутихи пляшутъ... Наконецъ, входятъ въ обширную палату, гдѣ на большемъ креслѣ, подъ шатромъ, сидитъ сама царица Ирина Ѳеодоровна . . . Свѣтлое видѣніе исчезаетъ... Михаилъ припоминаетъ тяжелое время: отецъ его кручинится, мать плачетъ . . . Жестокій царь Борисъ Годуновъ приказываетъ разлучить супруговъ и постричь ихъ въ иночество; бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ покоряется необходимости для спасенія своей жизни; и вотъ онъ, подъ именемъ *Филарета*, надѣваетъ черную рясу! . . . Мать Михаила сначала противится приказанію царя, но ей объявляютъ, что если она не согласится на постриженіе, то у нея отнимутъ сына. Нѣтъ! пусть лучше сошлютъ меня въ ссылку, либо ввергнуть въ темницу, только-бы сынъ при мнѣ остался, плачется боярыня . . . Послѣ постриженія ее ссылаютъ въ монастырь, гдѣ до нея доходятъ слухи о смерти ея гонителя Годунова, о смутахъ въ Москвѣ, о короткомъ царствѣ Василія Шуйскаго, о скорбныхъ дняхъ безначалія, междуусобицъ и самозванныхъ царей; потомъ идетъ молва о какомъ-то королевичѣ Владиславѣ, будто-бы избранномъ въ московскіе цари и, наконецъ, узнаетъ она, что Филаретъ Никитичъ съ другими послами попался въ заточеніе къ Литовскому королю Жигмонту (Сигизмунду)... На этомъ обрываются мысли Михаила. —Какое-то движеніе въ храмѣ и шепотъ выводятъ юношу изъ задумчивости. Онъ смотритъ и видитъ кучу бояръ, ему незнакомыхъ, впереди которыхъ стоитъ высокій, плотный бояринъ и кого-то ищетъ. Подойдя къ игуменѣ, онъ ей земно кланяется и о чемъ-то тихо спроситъ. Старица смутилась . . и вдругъ, отдѣлясь отъ другихъ, направилась въ сторону, гдѣ стояла инокиня съ сыномъ. Марфа, видя приближавшагося окольничаго, низко ему поклонилась, а онъ повалился ей въ ноги . . . Удивились всѣ, что за честь отъ пословъ простой инокини? Однакожь, всѣ разошлись по кельямъ; все затихло и стемнѣло въ оградѣ; только тускло мерцалъ свѣтъ отъ лампы въ келіи Марфы. Она молилась, а Михаилъ сидѣлъ у раствореннаго окна, любясь на блиставшія звѣзды . . .

На другой день, духовенство подошло къ Ипатьевской пустынь съ послани и, увидѣвъ инокиню Марфу, поклонилось ей . . . Оеодоритъ, глядя на благолѣпнаго юношу Михаила, сказалъ ему:

„Благочестивый государь, Михаилъ Оеодоровичъ!

Посланъ я, отъ московскихъ думныхъ бояръ, отъ всякаго чину люди, отъ всего народа православнаго слезно просить тебя и челоуъ бытъ . . . Господь Богъ вразумилъ всѣхъ и въ сердца вложилъ избрать тебя на царство! . . . Умилися, государь, падъ остаткомъ россійскаго христіанскаго воинства! Собери воедино паству многорасхищеннаго словеснаго стада Христова подъ крѣпкую свою десницу! . . . Не презри всенароднаго слезнаго рыданія, по изволенію Божию, прими избраніе тебя на Володиміръскоу и Московскоу государствъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси бытъ“ . . .

Нѣстала торжественная тишина: всѣ ждали отвѣта... Марфа, обнявъ своего сына и, прижавъ его къ груди, воскликнула: «Нѣтъ! . . . Я не согласна! . . . Я не благословлю тебя на царство» . . . и оба зарыдали. Михаилъ, обратясь къ архіепископу, громко сказалъ: «Вы слышали! Матушка не согласна . . . Я не могу быть государемъ, безъ благословенія рочителя моего Филарета Никитича, а онъ въ полонѣ и спросить его не можно». . . .

Духовенство и бояре слезно умоляли инокиню Марфу благословить сына на царство, но она упорно возражала: «У сына моего и въ мысляхъ того не бывало, чтобы на царствѣ бытъ! Онъ еще не въ совершенныхъ лѣтахъ!»! . . .

Долго просили послы инокиню грамоты отъ нихъ принять и, наконецъ, она согласилась войти въ храмъ, гдѣ, по прочтеніи ихъ, сказала: «Вотъ! избрали сына моего и зовутъ на царство . . . а давно ли Годунову, Борисову сыну, измѣнили, самозванцу служили, царя Василія Шуйскаго полякамъ выдали, Владиславу—Латинцу присягали? . . . То-же и моему сыну учинить мыслятъ—погибель да измѣну, клятвopепреступленіе, позоръ, убійство и поруганіе!» . . .

Этимъ словами бояре были сильно тронуты. . . . Костромичи рѣдостно праздновали этотъ день—14 марта 1613 года.

Все стихло въ монастырскихъ стѣнахъ, лишь подруга дѣтства Михаила Оеодоровича—Марія Хлоп ва была опечалена.—Избраніе Михаила на царство произвело на нее неизгладимое впечатлѣніе! . . .

Еще наканунѣ любовь ея къ Михаилу была любовь ребенка къ брату, чувствомъ искреннимъ, но не пылкимъ.—Внезапный, никогда немисланный ею переворотъ въ положеніи юности, изъ изгнанныка, едва не узника, превратившагося въ царя, возбудивъ въ ней сначала удивленіе, а потомъ благолѣпное уваженіе къ избраннику Божию, не искавшему престола, но получившему его по указанію свыше. . . . Она мысленно измѣрила непреодолимыя преграды. . . .

Все это смутно нахлынуло на ея мысли, которыя выразить словами она бы не могла, но ясно сознавала только одно: Михаилъ для нея не существовалъ болѣе . . . Для нея онъ умеръ; а этотъ царь, гордый и мудрый, не удостоить ея теперь ни словомъ, ни взглядомъ съ высоты своего величія! . . . Прощай же, другъ и братъ! . . . Прощайте дѣтскія мечты о счастьи! . . .

Марья горько плакала и умоляла свою бабушку Желябужскую уѣхать поскорѣе изъ монастыря, но послѣдняя боялась пуститься въ путь, потому что ходили слухи о шайкѣ неблаголѣпныхъ. Михаилъ между тѣмъ, нигомъ послалъ Марью сказать, чтобы она, какъ стемнѣетъ, пришла бы въ соборъ Ипатьевскаго монастыря, о чемъ предупредилъ онъ старницу—церковницу дверей не заирать. Онъ думалъ, что никто не осмѣлится нарушить уединеніе царя, молящагося о благополучномъ пути на царство и, обратясь къ своей матушкѣ, сказалъ: „Благослови, матушка: я желаю помолиться въ соборѣ . . . А послѣ дозволю мнѣ подкрѣпиться сномъ для завтрашняго пути!“ . . .

— Иди съ Богомъ, дитя мое дорогое! сказала мать.

Низкіе своды зижняго предѣла стариной церкви были погружены въ глубокій мракъ; только передъ мѣстными иконами тускло теплились двѣ лампы и еѣва на нѣсколько шаговъ освѣщали обрѣзность иконостаса. Михаилъ Феодоровичъ, съ тайной робостью и благовѣніемъ, вступилъ въ этотъ свѣтлый кругъ; онъ остановился, окинулъ взоромъ темный уголъ храма и убѣдился, что онъ одинъ! . . . Одинъ передъ Богомъ, въ послѣднюю ночь передъ путемъ на царство! Михаилъ забылъ про Марью! . . . Онъ откинулъ отъ себя всѣ суетныя помыслы, земныя заботы и, преклонивъ колѣна, сталъ молиться . . . Прошло нѣсколько минутъ . . . все было тихо и темно вокругъ . . . но вотъ легкій вздохъ коснулся слуха молодого царя . . . онъ вздрогнулъ . . . молитвенное настроеніе его отлетѣло и все мірское, прекрасное, горячее, надежда, радость и любовь внезапно охватили его организмъ. Онъ всталъ и снова взглянулъ въ темноту, теперь онъ разсмотрѣлъ какую-то неясную фигуру.

— Марья? . . . ты ли это? тихо окликнулъ онъ.

— Я, государь . . . также тихо отвѣчала боярышня. Михаилъ пошелъ къ ней, взялъ за руку и подвелъ къ свѣтлому кругу передъ иконостасомъ. Онъ пристально, любовно глядѣлъ на милое лицо, словно стараясь запечатлѣть ея черты въ своей памяти.

— Марья!... вѣдь ты меня любишь? спросилъ онъ. Боярышня упала на колѣни и склонилась къ ногамъ царя; она нервно плакала и цѣловала руки, которыми Михаилъ старался ее поднять.

— Уймись . . . не плачь! унималъ ее царь. Не для худа я тебя призвалъ... Встань и выслушай меня... Марья встала, все еще плача; онъ опять повторилъ свой вопросъ: «вѣдь ты меня любишь, Марья?»

Люблю . . . видитъ Богъ . . . Ты для меня дороже жизни, для тебя я рада душу свою положить, съ искреннимъ, страстнымъ порывомъ, отвѣчала Марья.

— И я тебя люблю, Марья! . . . Завтра мы должны разлучиться, и жеть быть, надолго . . . я вѣдь теперь не воленъ самъ, въ себѣ: я отдаю Москвѣ . . . Помни, что я терпѣливо жду времени, чтобъ опять съ тобою свидѣться не царемъ . . . а мужемъ и господиномъ твоимъ передъ Богомъ и людьми . . . говорилъ Михаилъ торжественно и твердо.

— Государь мой! Честь такая не для меня! . . . Сядешь ты на престолѣ и забудешь обо мнѣ! . . . Самыя знитныя красавицы около тебя въ М свѣѣ соберутся, а я худородная! . . .

— Никогда и никого не смѣняю я на свою Марью! . . .

Она хотѣла поцѣловать его руку, но государь привлекъ дѣвушку къ своей груди и губы ихъ соединились въ первый поцѣлуй.

— *Теперь прощай, моя ниреченная!* Никому не говори про нашу клятву! Коли тебя станутъ неволить идти замужъ, не ходи! . . .

Она ушла успокоенная и счастливая, не смѣи никому повѣдать о своей радости. Легкіе шаги дѣвушки затихли въ безмолвіи храма . . . Изъ за церковнаго столба поддерживавшаго своды храма, отдѣлился человекъ, бывший тайнымъ свидѣтелемъ бесѣды царя съ своей избранницей. То былъ Салтыковъ.

— Не бывать этому! пробормоталъ онъ. «Я люблю Марью и сосватаю ее . . . а для царя такая невѣста не довольно знатна!» и Салтыковъ, ни кѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ церкви.

Великое было торжество въ Москвѣ 2-го мая 1613 г. Это было не похоже на обычную встрѣчу царей, вѣтъ! . . . Это была общая семейная радость: Михаила Феодоровича встрѣтили какъ любезнаго сродника, какъ единственную надежду на спасеніе Руси. Народъ восторгался, видя красоту, добросердечіе и милость своего избранника. Послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ, бояре, дворянство, воинство и люди всѣхъ сословій кланялись государю, инокини Марфѣ Ивановнѣ и подходили къ рукѣ. 11-го іюля Михаилъ сѣлъ на Московскій престолъ. На другой день, праздновали именины

новаго царя, который при этомъ пожаловалъ дворянство Козьмѣ Минину. Первой заботой Миханла Феодоровича стало освобожденіе своего отца Филарета Никитича изъ плѣна.

Настала ночь. Московскій кремль погрузился во тьму и дремоту. Не спится лишь молодому царю; лежитъ онъ на атласной подушкѣ, расшитой золотымъ узоромъ; глядитъ на иконы, жемчугомъ низанны. Тихо все кругомъ . . . О чемъ онъ думаетъ? . . . Скоро, скоро настанетъ давно желанный день: соберутся во дворецъ со всей земли Московскаго государства дѣвки-красавицы, а между ими и его Марья! . . . Объявить онъ ее своей избранницей и вручить ей ширинку да кольцо . . . Тутъ невольно смущаетъ его вопросъ: благословить - ли мать его выборъ? . . . Заговорила она ему про красоту княжны Долгоруковой и что хорошо—де съ нѣмъ породниться . . . но не приказывала непременно выбрать ее въ царицы. Какъ Богъ положить тебѣ на разумъ, да на сердце, такъ и выбирай!—сказала Марфа Ивановна, пежелавшая насиловать своего сына въ такомъ дѣлѣ, чтобы послѣ онъ на нее не плакался, что вотъ - де нелюбую мать царицу выставили . . . Наконецъ, насталъ царскій смотръ невѣстъ и Марья Хлопова предстала предъ царскіе очи!

Хлопову сшарили въ лазоревой камковый сарафанъ съ серебряннымъ кружевомъ и чревчатый бархатный опашень. Вѣлокурые волосы ея были заплетены въ широкія косы, искусно перепитыя золотымъ шнуромъ, съ наконечниками по концамъ, въ видѣ треугольной «дезки» съ жемчужной кистью; повязочка вся золотая съ прозрачной сѣткой на затылкѣ и покрывало изъ турецкой кисеи съ серебрянными метелками и такой же каймою довершали нарядъ.

Настали томительныя минуты ожиданія кого-то выберетъ царь? Но вотъ пронесся по залѣ какой-то неясный шепотъ: «идеть! . . .» Двери изъ внутреннихъ покоевъ распянулись и вошли маленькіе рынды, т. е. боярскія дѣти, по два въ рядъ; за ними—дворскія боярыни и наконецъ мать государя съ сыномъ царемъ; сзади Федоръ Шереметьевъ, Салтыковы, какъ родственники. Царь и мать сѣли на возвышенномъ мѣстѣ въ золотыя кресла. Лишь только усѣлись мать и сынъ, по давнему знаку старицы—инокини, боярыни стали подходить одна по одной, ведя за руку дѣвку—дочь или сродницу; ставъ передъ сидѣньемъ, онѣ земно кланялись сначала инокинѣ, затѣмъ царю и, наконецъ, боярамъ, стоявшимъ по сторонамъ; послѣ сего, снимали фату съ боярышни и она стояла, скромно опустивъ очи, и государь на вопросъ: «люба-ли тебѣ такая-то? . . .» дѣлалъ отрицательный знакъ и боярышню отводили въ сторону и снова накидывали на нее фату. Такъ какъ оставалось мало боярышень, то всѣ удивлялись взыскательности государя, который сдѣлался нетерпѣливъ . . . Тутъ - ли она? спрашивалъ онъ самъ себя и искалъ глазами въ небольшой кучкѣ остальныхъ боярышень; но вотъ его глаза остановились на старухѣ Желябужской и та, отдѣлившись отъ другихъ боярышень, пошла къ золотому сидѣнью, ведя за руку внуку, которая шла, не помня себя . . . Вдругъ, о дѣво! . . . Только, что фата поднялась съ лица боярышни, государь быстро всталъ и, схвативъ съ золотого блюда, богато унизанную драгоценными камнями ширинку, подаль ее Марьѣ . . . Она протянула руку и государь, надѣлъ ей на палецъ кольцо, громко и твердо молвилъ: «Вотъ моя избранница!...»

Невозможно описать при этомъ общаго изумленія . . . Инокиня — Марфа была взволнована, Салтыковъ поблѣднѣлъ, государя обручили съ Марьей Хлоповой и дали ей новое имя «Анастасія», въ честь бабки Анастасіи Романовны. Вслѣдъ за симъ, она поселилась въ «Верху».

Однакожъ, вслѣдствіе непріятныхъ отношеній родственниковъ Марьи къ Салтыковымъ, послѣдніе рѣшили погубить царственную невѣсту, во что бы то ни стало.

Правда, хотя царевну и окружили всякими предосторожностями, по ея враги достигли своей цѣли.

Говорятъ, что въ селѣ Покрогскомъ, кѣда ѣздилъ царь съ своей невѣстой на гулянье (онъ вручилъ Маріѣ и прощальныя ларецъ съ сахарными яствами, зная, что она ихъ любитъ, но одна изъ женщинъ подмѣнила нѣкоторыя изъ нихъ отравленными; Марья, не подозрѣвая послѣдняго, покупала: у нея ночью явилась ужасная боль въ желудкѣ, а затѣмъ рвота и ослабленіе силъ.

Завистники ея встревожили двою словми «черная немочь, черная немочь!» Одна мысль объ эт й болѣзни, приносящей съ собой смерть, была достаточна для пагубы Хлоповой! . . . Ниокня Марфѣ сказала, что Марья для государевой радости не прочна и чадородію отъ такой хвори будетъ помѣха! . . . Такимъ образомъ, это было для Анастасіи смертнымъ приговоромъ, слѣдствіемъ котораго было распоряженіе сослать Анастасію «съ Врлу», а затѣмъ послѣдовалъ и указъ о сосланіи несчастной Марьи съ родственниками въ Тобольскъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе! . . . Несчастливая Марья! Царь глубоко былъ убѣжденъ, что она была жертвой дворскихъ происковъ и интригъ, но по слабости своего характера, не могъ дѣлу помочь? . . . Даже патриархъ одно время былъ на сторонѣ Марьи, даже онъ ниокня Марфѣ сказалъ, что ему все вѣдомо, что онъ хочетъ дѣло о Хлоповой поднять.

Жизнь въ Тобольскѣ Желябужскихъ, а равно и Хлоповой была самая неприглядная! . . . Однакожъ, не смотря на четыре года, проведенныхъ ею въ ссылкѣ, въ горѣ, въ явкихъ лишеніяхъ, Хлопова была прекрасна, особенно при вѣсти—о возвращеніи ея изъ ссылки. Да, въ это время она была очаровательна: въ ея лазуревыхъ глазахъ счастье просвѣчивало въ сквозь слезы; голова ея была не покрыта, а волосы, которые она еще не успѣла убрать, въ роскошномъ безпорядкѣ, золотистыми волнами распались по грубому сѣрому армяку, накинутому на ея плечи. . . .

Въ 1617 г., въ половинѣ ноября, Марья Хлопова была уже въ Верхотурѣ, гдѣ оставалась до ук зу. Здѣсь ей дано хорошее помѣщеніе и «кормъ». Изгнанники уже не боялись жестокаго съ ними обращенія, истязаній и обидъ, съ ними обшались уже съ уваженіемъ, такъ какъ предвидѣли возвращеніе ихъ къ почету и богатству.

«О пребываніи царственной невѣсты Анастасіи, бывшей Маріи Хлоповой, въ Верхотурѣ» у меня имѣлась рукопись, писанная, судя по почерку, въ началѣ прошлаго столѣтія, и къ сожалѣнію, она въ 1879 году, въ моей квартирѣ, въ Екатеринбургѣ, сгорѣла, во время пожара. Рукопись заключала въ себѣ небольше двухъ листовъ; кѣмъ она составлена—неизвѣстно. Въ рукописи было означено время прибытія Маріи Хлоповой изъ Тобольска въ Верхотурье на жительство впредь до царскаго указа; что ей отведено было помѣщеніе въ половинѣ воеводскаго дома, гдѣ она жила вмѣстѣ съ своими родными; что жизнь ея была самая безцвѣтная—спиротская, и что «она была велики биски» (очень красива собой), ласкова, привѣтлива, милоствива, но, по временамъ—молчалива; была богомольна и постоянно ходила въ церковь, гдѣ, молясь, безутѣшно плакала и, наконецъ, росту она была выше средняго. Далѣе, въ той же рукописи совершенныя другія почеркомъ, между строкъ, приписано «ликъ Маріи сіять такою лѣпотою, что, разъ узрѣвши его, трудно уже было оторвать отъ него взоры.» (В. Шипонко.)

30-го декабря 1620 г. состоялся указъ слѣдующаго содержанія: „Пожаловали есмя Настасію Хлопову, велѣли ея съ бабкою и дѣтьми, съ Иваномъ да съ Александромъ Желябужскими отпустить съ Верхотурья—въ Нижній Новгородъ. Отпустить на подводахъ, корму дать по прежнему, сколько давало въ Верхотурѣ, смѣта во сколько недѣль можно доѣхать до Нижняго. . . . а какъ въ Нижній пріѣдутъ, отдали бы ихъ воеводѣ и быть имъ въ Нижнемъ до государева указа, а котораго числа Настасію Хлопову съ бабкою и дѣтьми съ Верхотурья отпустить и кого пристава съ ними пошлетъ, о томъ бы повѣстили къ Москвѣ“ . . .

„Пославъ указъ, государь тайно вручилъ посланцу задушевное письмо къ царевнѣ Настасѣ и нѣсколько подарковъ: шубу, шапку соболью и проч. „чтобы не вознобилась дорогою моя голубица“.

Посланецъ изъ Москвы прибылъ въ Верхогурье 14 - го февраля 1621 года. Какая свѣтлая радость и надежда снова вспыхнула въ сердцѣ изгнанницы! . . .

Михаилу Θεодоровичу пошелъ уже 27 годъ и для пользы государства необходимо было утвердить престолъ за родомъ Романовыхъ, для чего нужны были законные наслѣдники. Патріархъ, по совѣту Боярской думы, приступилъ къ сыну съ увѣщаніями избрать невѣсту. Михаилъ сказалъ: „у меня есть избранница, царица Анастасія!“ . . . Но инокиня—мать сказала, что она благословенія-де сыну на этотъ бракъ не даетъ!

Правда, поднято было вновь дѣло о Хлоповой и протоколъ, семь лѣтъ назадъ тому составленный, былъ прочитанъ и 22-го сентября 1621 года посольство выѣхало изъ Москвы—въ Нижній и хотя чрезъ три недѣли и былъ доставленъ въ Москву подробный отчетъ осмотра невѣсты, которымъ всѣ единогласно засвидѣтельствовали, что *Марья Хлопова во всемъ здорова*, но инокиня—мать устояла на своемъ: бракосочетаніе Михаила съ Марьей было на всегда разрушено. Салтыковы же, какъ оказавшіеся виновниками въ этомъ дѣлѣ, подверглись царской опалѣ и удалены отъ двора.

1623 г., 1 ноября, въ Нижній послана грамота Шереметьеву, въ которой велѣно объявить Ивану Хлопову, что „*Мы дочь его Марью взять за себя не изволили*“. При семъ велѣно жить Марѣ съ бабушкой и дядями Желябужскими въ Нижнемъ, въ домѣ Кузьмы Минина, послѣ его смерти, перешедшемъ въ казну; велѣно давать имъ кормъ, противъ прежняго вдвое и ежегодно отпускать значительную сумму денегъ. Какъ громомъ поразило это извѣстіе царскую избранницу; но возставать противъ воли Божіей было грѣшно и она покорила судьбѣ. Вся жизнь Маріи послѣ того была посвящена молитвѣ и благотворительности. Она умерла въ 1633 году, боготворимая и уважаемая всѣми, какъ образецъ кротости, смиренія и любви къ ближнимъ! . . . Несчастливая избранная царская невѣста, миръ праху твоему: злонамѣренныя люди жестоко измучили тебя . . .

Вскорѣ выборъ палъ на дочь князя Владиміра Тимофеевича Долгорукова—княжну Марію и 19-го сентября 1624 года совершилось бракосочетаніе. „На утро государыня оказалась больною, кашляла и гортанью шла у нея кровь. И бысть государыня больна и бысть скорбь ея велика зело и того же года въ самое крещеніе (6-го января 1625 г.) предаде свою праведную душу!“ Миръ праху твоему! (Извлеченіе изъ историч. романа „Царская невѣста“. М. Е. Политковской. Историч. библіотека, 1880 г. № 1—3).

Преемникомъ Сильвестру на каѳедрѣ Вологодской и Велико-Пермской, какъ сказано, былъ Нектарій, родомъ грекъ; онъ былъ сначала архидіакономъ у константинопольскаго патріарха, потомъ архіепископомъ въ болгарскомъ городѣ Архидѣ, наконецъ неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ, прибылъ въ Россію, надѣясь, вѣроятно, улучшить свое положеніе въ исполненномъ благочестія государствѣ. Назначенный архіепископомъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ 1613 года „въ соборѣ у Пречистые Богородицы при всѣхъ властѣхъ іюня въ 25 день“, онъ тотчасъ же особенными грамотами извѣщаетъ будущую паству о своемъ назначеніи.

Примѣчаніе. Намъ извѣстна грамота, которою Нектарій извѣщалъ о своемъ назначеніи „архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ и дьяконовъ и весь освященный соборъ“ а вотъ грамота, которой извѣщаетъ о своемъ назначеніи мірянъ: „Благословеніе смиреннаго Нектарія, архіепископа вологодскаго и велико-пермскаго на Вологду, государя царя и великаго князя Михайла Θεодоровича всеа Русіи дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и приказнымъ людямъ и всякимъ служивымъ людямъ и гостемъ и торговымъ и жилецкимъ всякимъ людямъ. Божіею милостію и Пречистые Богородицы, Господу изволшу, и великимъ чудотворцамъ Стефану епископу Пермскому и Дмитрею Прилуцкому и всѣмъ его угодиномъ и по произволенію великаго государя нашего царя и великаго

князя Михайла Феодоровича всеа Русіи, а въ его царской волѣ Богъ творитель, что меня богомолца своего пожаловалъ, велѣлъ быти на Вологдѣ въ дому Соѣѣ Премудрости Божіи слова, и за себя государя Бога молити и за все христіюлюбивое воинство и за все православное крестьянство. А было и мнѣ царское жалованное слово въ соборѣ Пречистые В городицы и великихъ чудотворцовъ Петра, Алексѣя и Іоны при всѣхъ властѣхъ, іюня въ 25 день. И по царскому великому милосердному жалованному слову, митрополиты Евермъ Казанскій и Свѣяжскій и Ростовскій архіепископъ съ епископы и съ архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ благословили и здравствовали великимъ градомъ Вологдою и Великопермью. И по царскому слову, пріяхъ есмь вологодскую власть по закону и по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, престолъ святыхъ Соѣѣ Премудрости Божіи. А отъ меня вамъ миръ и милость о Бозѣ Вседержителѣ. А милость Божія и Пречистые Богородицы и великихъ чудотворцовъ пермскихъ, Стефана и Питирима епископовъ и всѣхъ святыхъ молитва и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ со всѣми вами всегда и во вѣки, аминь“.

Во имъ ли интересовъ казны вологодскаго архіерейскаго дома, движимый ли какими нибудь собственными разчетливыми побужденіями, только Нектарій, будучи еще въ Москвѣ, сильно безпокоился о томъ, что домовою денежною казною, всякими запасами и въ житницахъ и въ сушильнѣхъ и на конюшнѣ лошадьми завѣдываютъ корельскіе люди и казначей, предшественника его Сильвестра, попъ Никонъ. Въ своей первой увѣдомительной грамотѣ духовенству онъ пишетъ, чтобы „тѣхъ людей, дабы они не растащили домовья казны по себѣ, казначея попа Никона съ товарищи, и которые чѣмъ на дворѣ и по приказомъ владѣютъ, отдать на поруки до его пріѣзда, а казну и всякіе запасы запечатать воеводскими печатями.“

Примѣчаніе. Подобное предписаніе Нектарія вѣроятно произвело самое грустное впечатлѣніе на казначея Никона, такъ что мать его нарочно являлась въ Москву просить новаго архіепископа за своего сына. По этому случаю Нектарій писалъ на Вологду новую грамоту „Благословеніе великаго господина преосвященнаго Нектарія архіепископа вологодскаго и велико-пермскаго на Вологду, государя царя и великаго князя Михайла Феодоровича всеа Русіи воеводамъ господамъ: князю Михайлу Григорьевичу Темкину-Ростовскому, да Григорью Григорьевичу Пушкину. Извѣщали, господа, мнѣ дворовые люди, что на Вологдѣ у Сильвестра епископа былъ казначей кореленинъ, вдовой и пѣ Никонъ. и онъ-де домовою многою казною завладѣлъ. И я, господа, напередъ сего писалъ къ вамъ, чтобы вамъ пожаловать, для нашего благословенія, того попа въ отчетъ домовою казнѣ до нашего пріѣзду велѣти дати на поруки; и къ своимъ приказнымъ людямъ о томъ же писалъ. И тотъ, господа, попъ Никонъ, вѣдая свою вину, прислалъ свою мать къ Москвѣ, и била челомъ объ немъ, чтобы ево счесть мимо нашихъ приказныхъ людей и по ее челобитью дана грамота, а велѣно вамъ ево считати. И я, господа, про то свѣдавъ, билъ челомъ государю царю и великому князю Михайлу Феодоровичу всеа Русіи, чтобы (ево считати) нашимъ приказнымъ людямъ: и государь царь и великой князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи пожаловалъ меня богомолца своего, велѣлъ дати къ вамъ грамоту, чтобы ево считати вамъ съ нашими приказными людьми въ домовую казнѣ вмѣстѣ. И вамъ бы, великимъ господамъ для дому Соѣѣ Премудрости Божіи слова и для нашего благословенія ево ложному челобитью не повѣрити и Соѣѣйскаго дому побережи и безъ нашихъ приказныхъ людей ево считати не велѣти“. Виновать-ли въ чемъ казначей Никонъ и въ какой мѣрѣ виновать—для насъ остается неизвѣстнымъ.

Спустя нѣсколько времени послѣдовала отъ Нектарія новая грамота къ вологодскимъ воеводамъ и опять относительно казны архіерейскаго дома. Въ

концѣ этой грамоты Нектарій выставляетъ себя въ такой степени бѣднымъ, что можетъ помереть съ голода, если къ нему не будутъ отпущены запасы изъ Вологды. (Пермск. Епарх. Вѣд. 1869 г.).

Примѣчаніе. Не знаемъ хотя и съ трудомъ вѣримъ, чтобы Нектарій дѣйствительно былъ въ такой степени бѣднымъ, что до крайности нуждался въ присылкѣ разныхъ припасовъ изъ Вологды. Грамота же его, писанная по этому случаю въ Вологду, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, а потому мы приводимъ ее вполнѣ: „Благословеніе великаго господина преосвященнаго Нектарія архіепископа вологодскаго и велико-пермскаго на Вологду, государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи воеводамъ великимъ господамъ, сыновомъ нашего смиренія, князю Михайлу Григорьевичу Темкину-Ростовскому да Григорью Григорьевичю Пушкину. Напередъ сего писали мы къ вамъ чтобъ вы, по царской милости и для нашего благословенія, Софійскаго дому казны и всякихъ запасовъ поберегли и переписали и приказали нашимъ приказнымъ людямъ вѣдати, а своими-бъ печатями для береженія печатали до нашего пріѣзду. И къ намъ, господа, пишутъ наши приказные люди, что вы по нашей грамотѣ, домовую казну и всякіе запасы, не переписавъ, запечатали все и къ намъ, по нашимъ же грамотамъ, запасовъ никакихъ нашимъ приказнымъ людямъ отпустить не дадите, невѣдомо по чьему приказу. А государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи самодержецъ пожаловалъ меня богомолца своего, не блудяся и не сросяся никого, по своему царскому милосердию жалованью; а я богомолецъ его государевъ по царскому жалованью писалъ къ вамъ, чтобъ вы пожаловали велѣли переписать, а переписавъ печатали для береженія Софійскаго дому, а не для того, чтобъ вы къ намъ . . . приказнымъ нашимъ . . . ти не велѣли. И по всемъ бы, господа, по царскому жалованью, велѣти домовую казну и всякіе запасы переписать и приказати вѣдати нашимъ приказнымъ людямъ; и въ томъ, вамъ Богъ съ нами суди, что вы насъ съ голоду морите, а запасы къ намъ отнустить не велите; а здѣсь мы живемъ по государеву приказу, не одинъ я, и всѣмъ властямъ отпуску съ Москвы нѣтъ“.

Какъ бы то ни было, наконецъ вологодская паства увидала въ 1613 г. своего архипастыря. При дѣлахъ архіерейской казначейской конторы есть грамота отъ князя Трубецкаго и Пожарскаго, писанная архіепископу на Вологду въ 1613 году, коею приглашали его въ Москву на соборъ. Въ сей грамотѣ Нектарій титулованъ архіепископомъ Ахридскимъ на Вологдѣ.

Какимъ образомъ за Нектаріемъ остался титулъ архіепископа Ахридскаго, тогда когда онъ былъ уже на мѣстѣ служенія своего въ Вологдѣ—для насъ остается неизвѣстнымъ. Но что дѣйствительно Нектарій имѣлъ титулъ архіепископа Вологодскаго и Велико-Пермскаго—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что въ несудимой грамотѣ на вотчины, данной ему отъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 7122 (1614) году, генваря 26 дня, онъ названъ Вологодскимъ и Велико-Пермскимъ. (Пермск. Епарх. Вѣд. 1869 г. Е. А. Бударинъ).

Нерадостное было впечатлѣніе, произведенное на Нектарія положеніемъ епархіи. Въ смутныя времена междоусобицы шайки различныхъ бродягъ ходили по Россіи, живя грабежемъ и убійствомъ, не щадя ни назначенныхъ для молитвы мѣстъ—христіанскихъ храмовъ, ни тихихъ пристанищъ земныхъ—монастырей и обителей. Вотъ что писалъ Нектарій въ одной своей чело-

*) См. Описаніе Вологодскаго собора, состав. Суворовымъ стр. 63.

битной къ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1613 году, т. е. въ томъ, въ которомъ онъ явился на епархію: „А домъ, государь, Пречистыя Богородицы и вотчиннишко отъ литовскихъ людей раззоренъ до основанія и пожженъ, и мнѣ богомольцу твоему съ домовыми людипками прокормитца нечѣмъ и дѣтишкамъ боярскимъ твоѣе государевы службы служить не съ чѣмъ. А на Вологдѣ, государь, на посадѣ и во всемъ Вологоцкомъ уѣздѣ монастыри, села и волости и многія церкви позжены, а достальныя раззорены до основанія, а попы и дьяконы и разныя церковныя причетники посячены; а доходцу, государь, взяти не съ ково и дому строить и домовыхъ всякихъ людей пожаловати нечѣмъ“.

Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ Нектарій обращается къ государю Михаилу Ѳеодоровичу съ челобитьемъ причислить къ Вологодской архіепископіи—Двину, Вагу и Каргополь—области, которыя нѣкогда принадлежали къ Вологодской епархіи, но потомъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, переданные въ вѣдѣніе Новгородскаго митрополита.

Примѣчаніе. Есть преданіе, что Грозный хотѣлъ сдѣлать Вологду своею столицею. Мысль не безъосновательная для того времени, — замѣтилъ объ этомъ однажды бывшій Вологодскій пресвященный Інокентій, впоследствии архіепископъ Херсонскій и Таврическій,—Вологда многолюдная и богатая, находясь на торговомъ пути между сѣверомъ и югомъ, могла быть центромъ его владѣній *). Дѣйствительно, — прибавляетъ къ этимъ словамъ незабвеннаго архипастыря одинъ вологжанинъ, составитель статьи *Семисотлѣтіе Вологды*, — если принять еще въ соображеніе и подозрительный характеръ Грознаго въ бѣдственную годину жизни его, то это извѣстіе будетъ имѣть достаточное правдоподобіе. При томъ Вологда, находясь на сѣверѣ, была ограждена отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ, всегдашнихъ враговъ Россіи. Самый гербъ Вологды (выходящая изъ облаковъ рука, держащая золотую державу съ серебрянымъ мечемъ) не намекаетъ-ли частію на предположеніе Іоанна IV—сдѣлать Вологду престольнымъ городомъ? **). Прибавимъ къ этому и мы съ своей стороны, что мысль Грознаго, если она была на самомъ дѣлѣ, можетъ подтверждать и необыкновенныя распоряженія его относительно Вологды и вологодской епархіи. Въ Вологдѣ онъ заложилъ, конечно, не безъ особенной важной пѣли, каменную значительнаго пространства крѣпость, построилъ огромный кафедральный соборъ, по образцу Московскаго Успенскаго, и кромѣ деревяннаго царскаго дворца, намѣревалъ я построить, если вѣрить преданію народному, другой дворецъ каменный ***); вологодскую епархію онъ увеличилъ весьма значительнымъ расширеніемъ ея области, присоединивъ къ ней въ 1571 г. отъ Новгородской епархіи Двину (часть нынѣшней Архангельск. губерніи съ г. Холмогорами), Вагу (нынѣшній Вельскій уѣздъ, Вологодской губерніи) и Каргополь (часть нынѣшней Олонецк. губ. ****). То есть, возвышая Вологду для какой-то цѣли въ гражданскомъ отношеніи, царь возвысилъ ее и въ церковномъ.

*) См. статью „Семисотлѣтіе Вологды“ въ приб. къ Журн. мн. пар. просв. 1847 г, книга 4.

**) Тамъ-же.

***). На такъ называемой *Соборной горѣ*. См. *Описаніе Вологодскаго намѣстничества* академика Петра Иноходцева, напеч. въ *Историч. мѣсяцесловѣ* 1790 года и въ *Географич. словарь Росс. Госуд.* 1801 и 1809 г.

****) „Въ 79 (1571) году, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи взято было изъ поугородскія архіепископы къ вологодской епископіи Двина, Колмыгоры, Каргополь, Турчасово, Вага и съ уѣзды; а изстаріи тѣ народы и мѣста и уѣзды Новгородскія архіепископы, къ вологодской епископіи николи напередъ того не бывали“. (*Акты археогр. эксп. т. III, № 123. Царск. грам. новгородск. митрополиту Макарію*).

Впрочемъ, каковы-бы ни были загадочныя намѣренія Грознаго относительно Вологды, она, послѣ удаленія его въ Москву, а особенно по смерти его, опять осталась тѣмъ же, чѣмъ была и до него. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ распоряженій царя, наприм. о постройкѣ въ Вологдѣ каменной крѣпости и каменнаго дворца, не были приведены къ окончанію; вчерашній построенный Софійскій соборъ, вслѣдствіе ли извѣстнаго каприза Грознаго по случаю выпавшаго изъ соборнаго свода кирпича, или по другимъ причинамъ, долго оставался пустымъ и внутри неустроеннымъ; а распоряженіе объ увеличеніи Вологодской епархіи было, тотчасъ по смерти его, отмѣнено его преемникомъ, царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ: Двина, Вага и Каргополь въ 1584 году отданы по прежнему въ Новгородскую архіепископію *).

Не безъ сожалѣнія, конечно, разсталась вологодская церковь съ даромъ Грознаго и можно было ожидать, что при первомъ удобномъ случаѣ она предъявитъ свои права на отнятыя области. Правленіе и потомъ царствованіе Бориса Годунова, по вліянію котораго отнять былъ даръ Грознаго, **) а затѣмъ наступившіе смуты самозванцевъ и междоусобицы, не были благоприятнымъ для этого временемъ. Но какъ только смуты миновались, въ 1613 году вологодскій архіепископъ Нектарій, вскорѣ по назначеніи своемъ на вологодскую кафедру, обратился къ царю Михаилу Θεодоровичу съ челобитиемъ, какъ сказано, о возвращеніи вологодской церкви дарованныхъ ей Грознымъ областей—Двины, Ваги и Каргополя. Вслѣдствіе этого ходатайства, означенныя области были вторично подчинены вѣдомству вологодской кафедры, но только на этотъ разъ были подчинены не навсегда, „не въ вѣкъ, безъ отниму“, какъ сказано было въ жалованной грамотѣ Грознаго и какъ просилъ архіепископъ Нектарій, а только на время, „докажеться поугородцкая митрополия очиститца“, т. е. успокоится отъ внутреннихъ волненій и безпорядковъ, произведенныхъ предшествовавшими смутными временами и освободится отъ шайкъ бродягъ, затруднявшихъ для новгородской кафедры управленіе ея, сѣверными отдаленными областями, болѣе близкими къ Вологдѣ. Вслѣдствіи оиѣ опять состояли въ вѣдѣніи новгородскихъ митрополитовъ ***), какъ увидимъ ниже.

Свѣдѣніе объ этомъ вторичномъ подчиненіи Вологдѣ—Двины, Ваги и Каргополя доселѣ неизвѣстное, найдено въ архивѣ Вологодской консисторіи, въ двухъ, поданныхъ въ 1613 году на имя царя Михаила Θεодоровича, челобитныхъ вологодск. архіепископа Нектарія, которыя за нимъ и помѣщаемъ подлинникомъ. Въ нихъ, кромѣ главнаго предмета нашего изложенія, есть еще любопытныя указанія на раззореніе сѣвернаго края Руси въ 1613 году поляко-литовцами и другими мятежниками.

«Царю государю и великому князю Михаилу Θεодоровичю всеа Русіи, бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Нектарій архіепископъ вологодскій. Прежь сего, государь, блаженные памяти государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, совѣтовавъ съ преосвященными митрополиты и со архіепископы и епископы и съ архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, хотя (желая) великую «архіепископью****) вологодскую исполнити, и чтобъ домъ Премудрости Божія Слова «и архіепископья вологодская полна была, и далъ въ домъ Софїи Премудрости Божія «Слова Двину, Вагу да Каргополь. И нынѣ, государь, блаженные памяти царя и ве-

*) «Государь царь и великій князь Θεодоръ Ивановичъ всеа Русіи приговорилъ . . . въ прошломъ 92 (1584) году тѣ города и уѣзды отдать въ Новгородскую архіепископью по прежнему». См. въ акт. эксп. ту же вышеупомян. царскую грамоту.

**) См. ниже вторую челобитную архіепископа Нектарія.

***) Акт. археогр. экспед. т. III, № 123.

****) Здѣсь ошибка: должно читать—*епископью* вмѣсто *архіепископью*. Въ Вологдѣ учреждено архіепископство въ 1589 году, въ одинъ годъ съ учрежденіемъ въ Москвѣ патриаршества; редакция нижеслѣдующій второй челобитной въ этомъ случаѣ исправиле.